

нар. науч.-практ. конф., 5-6 апреля 2010 г. / редколлегия: П.Б. Уваров (гл. ред.), О.Д. Бугас, И.А. Толчев, Д.В. Чарыков. – Кн. 1. – Челябинск, 2010. – С. 199-203. 8. Mosse C. La classe politique a Athènes au IVe siècle // Die Attische Demokratie im 4. – Jahrhundert v. Chr. Stuttgart, 1995. – P. 67-77. 9. Schütrumpf E. Politische Reformmodelle im

Jahrhundert Grundsätzliche Annahmen politischer Theorie und Versuche konkreter Lösungen // Die Attische Demokratie im 4. – Jahrhundert v. Chr. Stuttgart, 1995. – S. 271-301. 10. Wood N. Xenophon's Theory of Leadership // Classica et mediaevalia. – 1964. – XXV. 1-2. – P. 33-66.

Надійшла до редколегії 13.03.12

В. Дементьева, д-р ист. наук, проф.
(г. Ярославль, Россия)

ПРАВОВЫЕ НОРМЫ И ПРАКТИКА РАСПРЕДЕЛЕНИЯ *PROVINCIAE QUAESTORUM* В РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ¹

В статье рассматриваются правовая норма распределения провинций (сфер деятельности) между римскими квесторами – sortitio provinciarum и практика их получения sine sorte (extra sortem), по сенатскому решению.

The paper deals with legal norm governing the distribution of the provinces (sphere of action) – sortitio provinciarum and practice of its sine sorte (extra sortem) assignment by the decision of the senate.

Квестура являлась коллегиальной магистратурой, поэтому после избрания квесторов вставала задача распределения между ними сфер деятельности (provinciae). Ульпиан (D. 1.13.1.2) сообщает о нормативно регулировавшемся способе распределения квесторских провинций – жеребьевке и связывает его введение с именами консулов Децима Друза и Порцины: Ex quaestoribus quidam solebant provincias sortiri ex senatus consulto, quod factum est Decimo Druso et Porcina consulibus. Марк Эмилий Лепид Порцина известен как консул 137 г. до н.э. (Diod. XXX. 27; App. lb. 80-83; Oros.V.4.19). В консульских фастах его имя не сохранилось, но сохранилась значительная часть имени другого консула 137 г. до н.э. – Гая Гостилия Манцина: [c. ho]STILIVS A F L N MANCI[nus abd]. (CIL. I. P. 26). Консулом предыдущего, 138 г. до н.э., в фастах значится Децим Брут: [d. j]VN[ius m] F M N BRVTV[s qui postea] CAL[ja]ICVS APPEL[latus est].

У историков три подхода к датировке названного Ульпианом сенатусконсульта: 1. Датировать по консульству Порцины. 2. Датировать по консульству Децима Клавдия Друза (младшего сына жены Октавиана Августа Ливии, брата Тиберия) – 9 г. до н.э., не учитывая имя "Порцина". 3. Считать, что должен был быть назван не Децим Друз, а Децим Брут, – консул предыдущего 138 г. до н.э., но в результате ошибки у Ульпиана соединились консулы двух смежных лет и исказилось имя одного из них. Нам кажется предпочтительной трактовка, возникшая еще в XIX в. (6, p. 1088): после выдачи нумантинцам Манцина (Cic. De off. III. 30.109; Cic. De or. I. 40; Vel. Pat. II. 1. 5; App. lb. 83 Plut. Tib. Gracch. 7; Oros. V. 5.5) был избран консул-суффект, ибо выдача врагам связанного полководца была равносильна преданию его смерти или лишению гражданских прав (Cic. De or. I. 40). Этим консулом-суффектом и стал, вероятно, Децим Друз, составивший пару консулу М. Эмилию Лепиду Порцине после выдачи Манцина.

Ульпиан называет правовой акт, по которому распределялись provinciae quaestorum, сенатусконсультом. Цицерон (Pro Mur.18) упоминал в ноябре 63 г. до н.э. закон Тиция по этому поводу: Habuit hic lege Titia provinciam tacitam et quietam, tu illam cui, cum quaestores sortiuntur, etiam adclamari solet, Ostiensem, non tam gratiosam et inlustrem quam negotiosam et molestam. Законов Тиция историки знают несколько, два относятся к 90-гг. I в. до н.э. (Lex Iulia Titia 99 г. до н.э. и Lex Titia 91 г. до н.э.), один Lex Titia датируется 43 г. до н.э., но содержание эти законы посвящены совсем иным вопросам. Как правдоподобный вариант этот закон можно связать с

именем Секста Тиция, плебейского трибуна 99 г. до н.э. Он был последователем Аппулея Сатурнина, хранил у себя дома бюст Сатурнина, за что и был осужден (13, с. 432); Цицерон характеризует Тиция как человека словоохотливого и довольно проникательного (homo loquax sane et satis acutus – Cic. Brut. 62. 225).

П. Виллемс и Л.А. Томпсон относили свидетельство Ульпиана о правовой норме жеребьевки квесторских провинций не к тридцатым годам II в. до н.э., а к I в. н.э. (8, p. 18). На наш взгляд, более вероятно то, что Ульпиан "модернизированно" (в контексте политических реалий своей эпохи) назвал публичный акт, на основании которого жеребьевка между квесторами была введена в римскую "конституцию", сенатусконсультом (вместо "закона"), чем то, что он "удревнил" его. В любом случае, вне зависимости от того, какой правовой акт обеспечивал саму норму жеребьевки, процедура распределения квесторских провинций – как минимум, во II-I вв. до н.э. – начиналась с постановления сената, затем в обычном порядке проводилась sortitio, но иногда провинции давались квесторам прямо по решению сената – extra sortem (Cic. Att. VI. 6.4.; Cic. Phil. II. 50; Liv. XXX. 33.2).

Обратимся к нумизматическому материалу (1, vol. 1, p. 417, 419; vol. 2, p. 176, 309). На монете, датируемой около 104 г. до н.э., так обозначена должность Л. Манлия Торквата – аверс: Roma; реверс: L. Torquat. q. ex s.c. (1, vol. 2, p. 176). Монеты 74 г. до н.э. содержат сведения о Гнее и Публии Корнелиях Лентулах: 1) аверс: g(enius) p(opuli) R(omani); реверс: Cn. Len. q. ex s.c.; 2) аверс: q. s. c.; реверс: P. Lent. P. f. L. n. Монета, датируемая около 66 г. до н.э., дает подобное сокращение обозначения должности на оборотной стороне: аверс – Moneta; реверс – L. Plaetori L. f. q. s. c. Нумизматы обычно считают сокращение ex s.c. (или s.c.) указанием на то, что по сенатскому постановлению производилась чеканка монеты (12, с. 56). Но у нас складывается впечатление, что это указание относится, скорее, к способу наделению сферой деятельности магистрата, упомянутого в монетной легенде. И тогда эта фиксация (такой-то квестор является магистратом на основании сенатского постановления, – когда в других случаях такого уточнения нет), свидетельствует, вероятнее всего, о том, что жеребьевка для него не проводилась.

Основным (похоже, что и единственным) способом распределения функций тогда, когда они касались только Рима и Италии, была sortitio, бросание жребия, – поскольку и в I в. до н.э. сферы деятельности квесторов в пределах Италии распределялись именно по жребию; все примеры, приведенные Цицероном, свидетельствуют об этом.

С выходом экспансии Рима за пределы Италии способов этих было уже два: по жребию (sortitio) и вне жребия

¹ Исследование проводится в рамках Госконтракта № 16.740.11.0104 и при поддержке РФФИ, грант 10-06-00140-а.

(extra sortem или sine sorte). Цицерон (Pro Sest. 8) сообщает о Тите Антистии, что тот по жребью был наделен полномочиями квестора в Македонии: *Huius propinquus fuit T. Antistius, qui cum sorte quaestor Macedoniam obtineret neque ei successum esset, Pompeius in eam provinciam cum exercitu venit*. Информация о проведении жеребьевки квесторских провинций у Цицерона содержится и в других письмах и речах: *Cic. Att. VI. 6.4; Cic. Pro Mur. 18; Cic. Ad Q. f. I. 1.11*. Примеры распределения без жребия встречаются у Ливия (XXX. 33.2 – о событиях борьбы с Ганнибалом в Африке и действиях Сципиона: *Laelium, cuius ante legati, eo anno quaestoris extra sortem ex senatus consulto...*) и Цицерона (*Att. VI. 6.4* – о Помпее и Цезаре, получивших квесторов без жребия: *Pompeius, eo robore vir, iis radicibus, Q. Cassium sine sorte delegit, Caesar Antonium...*).

Последовательность обычной процедуры назначения квесторов в заморские территории (сначала *senatus consultum de provinciis quaestorum*, затем бросание жребия – *sortitio provinciarum* (5, S. 175) реконструируется на основе обвинения Цицероном (*Phil. II.50*) Марка Антония в несоблюдении этих публичных правил: *Quaestor es factus: deinde continuo sine senatus consulto, sine sorte, sine lege ad Caesarem cucurristi*. В этой фразе Цицерона исследователей смущало, однако, выражение *sine lege*, – на первый взгляд, означающее "без принятия закона", что и отражено в переводе В.О. Горенштейна. Но в таком случае, если речь идет о законе, возникает подозрение, что провинциальные назначения были переданы от сената народному собранию. Сомнения такого рода были развеяны Е. Линдерски и А. Каминской-Линдерски, которые резонно предложили считать, что *sine lege* не означает в данном случае "без комициального закона", а имеет смысл "без любого законного оправдания", – ср. выражения *nulla lege, nulla pacto* (3, p. 220-221; p. 258-259).

Назначение квестора в аппарат наместника провинции без жеребьевки проходило по инициативе последнего. Р. Стюарт подчеркивает, что если поручение *extra sortem* консулу любых дел было оказанием чести непосредственно ему, то назначение без жребия квестора не рассматривалось как честь квестору, – оно было честью опять-таки для вышестоящего должностного лица (7, p. 354). Проконсулы (пропреторы) стремились получить себе в качестве квестора человека, связанного с ними *necessitudo*, отношениями близкими (родственными, дружескими), чтобы минимизировать возможные должностные и человеческие конфликты. В этом случае осуществлялась *comparatio*, взаимное соглашение, которое было в интересах, на наш взгляд, не только носителя империя, но и квестора и, если и не делало последнему особой чести, создавало, тем не менее, в обход жребия ему более комфортные условия службы.

Попытку пересмотреть содержательное наполнение понятия *necessitudo* применительно к взаимоотношениям квестора, получившего своей провинцией обязанности в штате носителя империя вне Италии, со своим начальником, предпринял Л.А. Томпсон (9, p. 344-348). Он предложил понимать *necessitudo* между квесторами и держателями империя как "общественный долг", "официальные отношения" (это был, на его взгляд, "вопрос официального этикета") и не включать в это понятия отношения за рамками собственно выполнения служебных обязанностей, поскольку при случайном характере назначения по жребью трудно было ожидать реальной дружбы.

Такая трактовка идет вразрез с тем смыслом, который вкладывали в понятие *necessitudo* античные авторы при описании отношений квестора и высшего должностного лица на внеиталийской территории. При этом

в их представлении не только назначение *sine sorte*, но и жребий, согласно *mos maiorum*, предполагал близость и святость отношений между квестором и высшим магистратом (промагистратом) – *Cic. In Verr. I. 11; Q. f. I. 1.11*. Цицерон в письме к М. Юнию Бруту рассматривал отношения между квестором и наместником провинции как самые тесные (*Fam. XIII. 10. 1*), а в речи против Верреса приравнивал квестора по его положению к члену семьи носителя империя: *habitus sis in liberum loco, sicut mos maiorum ferebat* (*Cic. In Verr. II. I. 40*). Неоднократно повторенную Цицероном аналогию отношений между сыном и отцом, при помощи которой он характеризовал взаимоотношения квестора и носителя империя, Л.А. Томпсон подверг пристальному рассмотрению (9, p. 339-355). Он не согласился считать адекватным римским реалиям то впечатление, которое складывается на основе слов Цицерона и ряда других античных авторов о том, что связи квестора и держателя империя в провинции выходили за рамки официальных. Если же они выходили, то это были, на его взгляд, патронатно-клиентские связи (8, p. 7-18). Доверительное, личное, почти сыновнее отношение, по мнению Л.А. Томпсона, попадает под описание клиентеллы, но не должностных связей, поскольку такое отношение отличает моральный характер. Мы считаем, что регулирование взаимоотношений по линии квестор – магистрат (промагистрат) с империем обычаем предков (*mos maiorum*), этим "прецедентным правом" (2, p. 162), придавало им характер нравственных обязательств. Поэтому, на наш взгляд, близость и святость отношений совсем не обязательно была сопряжена с патронатно-клиентскими связями. Конечно, на практике отношения квесторов и носителей империя вне пределов Италии могли складываться и вопреки отмеченной норме *mos maiorum*, как в случае с квестурой Катона 204 г до н.э. (*Nepos. Cato I. 3*), но в принципиальном (идеальном) плане они должны были быть такими, какими их нарисовал Цицерон.

Л.А. Томпсон полагал также, что не стоит усматривать за жеребьевкой квесторов идею *deorum iudicium*, божественного решения, которое и предопределяло бы святость уз квестора и высшего должностного лица. По его мнению, жребий здесь означал только воплощение принципа равенства возможностей для коллег, т.е. был чисто политическим инструментом, а *sortis religio* и *deorum iudicium* не были для него основополагающими (9, p. 340). Все же нам кажется, что Л.А. Томпсон слишком резко разграничивал сакральное и политическое в римской публично-правовой жизни, эти стороны тесно переплетались и часто были просто неотделимы друг от друга (11, с. 8-17), как и, по нашему мнению, в данном случае. Исторические реконструкции с жестким разделением сакрально-правовых и политико-правовых норм являются, в нашем представлении, не вполне корректными моделями римской республиканской жизни.

Поскольку число кандидатов на должность квестора в провинциальном штате было для наместника ограничено предшествовавшим избранием квесторов на комициях, потенциальные проконсулы и пропреторы во время своих консульских и преторских полномочий могли заранее озаботиться формированием своей будущей когорты и оказать помощь на квесторских выборах желательному для них кандидату, лично или через посредство влиятельных друзей, дав благоприятный отзыв (*commendatio*). Цицерон в "Филиппиках" (*Phil. II. 49*) говорил, что Марк Антоний получил от него помощь при соискании квестуры. Во всяком случае (даже с перспективой жребия квесторских провинций) они могли

внимательно отнестись вообще к избранию отдельных лиц в низшую магистратуру.

Можно предположить, что потребность добиваться квесторского назначения *extra sortem* появлялась, прежде всего, тогда, когда возникали особенно нежелательные для наместника провинции кандидатуры квесторов. Возможно, что особая "желательность" для носителя империя иметь того или иного квестора обуславливалась военными дарованиями и заслугами последнего. Е. Линдерски и А. Каминска-Линдерски объясняют факт того, что Цезарь из всех своих квесторов назвал в "Записках" по имени только двоих – Красса и Антония, тем, что большинство его квесторов были назначены в его штат по жребию, и, видимо, были неопытными в военном отношении. Цезарь не поручал им в ответственных ситуациях командования, и впоследствии у него было немного оснований их упомянуть (3, р. 214–215).

Каково было соотношение жеребьевки и ее обхода при назначении квесторских провинций? Начиная с П. Виллемса в историографии присутствует утверждение, что квесторы получали свою сферу деятельности *extra sortem* довольно часто и количество таких назначений было гораздо больше, чем число случаев, о которых содержатся сведения в источниках. Те же историки, кто отмечал относительную редкость практики назначения квесторов вне жребия, связывали это либо с тем, что *sortitio* – аспект "обычая предков", который римляне стремились не нарушать, либо с тем, что квестор, прежде чем получить свою провинцию, должен был быть избран народным голосованием на комициях. Последний вывод сделал Л.А. Томпсон, предложив список квесторов, получивших провинцию, возможно, вне жребия (8, р. 4–25). Этот список включает у него 9 квесторских назначений, относящихся к периоду 190 г. до н.э. – 53 г. до н.э. Л.А. Томпсон считал также, что просьба наместника провинции направить к нему квестора *sine sorte* удовлетворялась сенатом автоматически.

Р. Стюарт подчеркивает, что назначение *sine sorte* (*extra sortem*) следует отличать от способа вручения полномочий *extra ordinem* (7, р. 354.). При этом она полагает, что первый из названных вариантов – редко представленная, но конституционно разрешенная процедура, а второй – нарушение конституционной практики. Не согласимся с последним утверждением и скажем, что в принципиальном плане между понятиями "экстраординарный" и "внеконституционный" применительно к Римской республике нельзя поставить знак равенства. Экстраординарная (чрезвычайная) власть в римской *civitas* вручалась на легитимной основе, имела правовые механизмы регулирования. К такому выводу мы пришли на основе изучения высших экстраординарных магистратур ранней Республики (10, с. 161–176). Также применительно к магистратам с империем, но для поздней Республики анализировал понятие "экстраординарная власть" Р. Ридли (4, р. 280–296). Он не соглашался со слишком расширительным использованием термина "экстраординарный" (4, р. 287–290) и заключал, что многие из казавшихся бы не вполне обычных случаев наделения империем в конце Республики все-таки следует признать ординарной властью его носителей (отсюда он ставил под большое сомнение расхожий тезис, что чрезвычайное

командование было решающим фактором падения Республики) (4, р. 296). Р. Ридли обсуждает и так или иначе разделяет тезис о том, что чрезвычайные полномочия основывались в Риме на решении комиций (на законе), а постановлением сената можно было наделить только ординарной властью. Заметим, со своей стороны, что закон нужен был однократный, для введения определенной должности в "конституцию", а в конкретном решении для частного случая достаточно было постановления сената. Но применительно к распределению без жребия квесторских провинций речь идет не о полномочиях (они ординарные, т.к. ординарными магистратами являются их носители), речь идет о том, следует ли считать чрезвычайным сам механизм предоставления полномочий квесторам при распределении провинций *extra sortem*. Ординарный способ (введенный законодательно) – *sortitio*. А был ли предусмотрен в тех же самых или иных законах (либо других нормативных актах) способ без жребия, по усмотрению сената – мы не знаем. В тех, о которых мы осведомлены по источникам, – скорее нет. Но и характеристику способа *extra sortem* как нелегитимного никто из античных авторов в имеющихся текстах не дал. А потому мы не можем и точно сказать, было ли отсутствие жребия для квесторов при определении сферы их магистратской деятельности нарушением конституционной нормы или нет. Не исключаем, что "вне жребия" могло означать "чрезвычайным порядком" (*extra ordinem*), что, однако, автоматически не предполагало для римлян "внеконституционности".

Таким образом, по нашему мнению, жеребьевка квесторских провинций была оформлена как норма писаного права не позднее 30-х гг. II в. до н.э., отход от которой (степень его легитимности неясна) начинает практиковаться, наиболее вероятно, с конца II в. до н.э., но в любом случае, не ранее появления в Римском государстве "заморских", внеиталийских территорий, т.е. 40-х гг. III в. до н.э.

1. Babelon E. Ch.F. Description historique et chronologique des monnaies de la République Romaine. – Vol. 1. – P., 1885. – Vol. 2. – P., 1886.
2. Badian E. The Silence of Norbanus. A Note on Provincial Quaestors under the Republic // American Journal of Philology. – 1983. – Vol. 104. – P. 156–171.
3. Linderski J., Kaminska-Linderski A. The Quaestorship of Markus Antonius // Phoenix. The Journal of the Classical Association of Canada (Revue de la Société canadienne des Etudes classiques). – 1974. – Vol. 28. – P. 213–223 (Linderski J. Roman Questions. Selected Papers. Stuttgart, 1995. P. 251–261).
4. Ridley R.T. The Extraordinary Commands of the Late Republic. A Matter of Definition // Historia. – 1981. – Bd 30. – P. 280–297.
5. Schulz R. Herrschaft und Regierung Roms Regim in der Provinzen in der Zeit Republik. – Paderborn–München–Wien–Zürich, 1997.
6. Smith W. Dictionary of Greek and Roman Biography and Mythology – L., 1844. www.ancientlibrary.com/smith-bio/index.html.
7. Stewart R.L. Sors et provincia: Praetors and Quaestors in Republican Rome. – Michigan, 1987.
8. Thompson L.A. The Appointment of Quaestors *extra sortem* // The Proceedings of the African Classical Associations. – 1962. – Vol. 5. – P. 17–25.
9. Thompson L.A. The Relationship between Provincial Quaestors and their Commanders-in-Chief // Historia. – 1962. – Bd 11. – P. 339–355.
10. Деметтьева В.В. Римская чрезвычайная власть эпохи ранней Республики: историко-правовая модель // Деметтьева В.В. Децемвират в римской государственно-правовой системе середины V в. до н.э. – М., 2003. – С. 161–176.
11. Деметтьева В.В. Римское божественное право: проблема содержания понятия *fas* // Tabularium. Труды по антиковедению и медиевистике. – Т. 1. – М., 2003. – С. 8–17.
12. Мэттингли Г. Монеты Рима с древнейших времен до падения Западной Империи. – М., 2010.
13. Стрельников И.П. Комментарии к трактату "Брут" // Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве. – М., 1994. – С. 421–436.

Надійшла до редколегії 13.03.12